

Марк Котлярский

ВЕДЬМИНА ГОРА

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СНОВ

МАЛЕНЬКИЕ РОМАНЫ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

...Однажды вечером первый рисунок сделала она, ты увидел его: красными и голубыми мелками на воротах гаража, используя структуру изъеденного жучком дерева и шляпки гвоздей. В нем была вся она – манера, краски, – но, кроме того, это была просьба или вопрос, способ обратиться к тебе...

Хулио Кортасар. Граффити

Вот и все об этом: была рождена женщина, но не из чрева, но из души и круговерти мыслей. И он, давший ей выход из тьмы, любил свое творение, и она любила его. Но вот и все об этом: с человеком приключилось чудо. Оно понравилось ему, но он не смог его удержать, и чудо прошло...

Дилан Томас. Мышь и женщина

...что можно выжать еще из этой минуты? после ночи, после дня, после чемодана, после стирки носков и трусов, после яблока в дорогу, после раздумья о последнем разе, неудобная поза в передней, что ли... нет, кажется, обошлись, чтобы потом остался этот недоеденный торт... Интересно, вот в те подлинные минуты это чувство фальши – как? – взаимно? – или только у него, бесчувственного.... Ничего себе бесчувственного – локти грыз... Но – всегда, всегда хотелось, чтобы все провалилось скорее под колеса, с глаз долой – в самое сердце. А сейчас – не хочется. Все равно, не нужно, нечего сказать, да и сожалений никаких... а не хочется.

Андрей Битов. Вкус

*А.В-кой, благодаря которой
состоялась эта книга*

...**Е**сть сны, которые пропадают из твоего сознания сразу, ментально, как только ты открываешь глаза, будто чья-то рука стерла ненужный файл из твоей памяти, не допуская даже самой возможности апгрейда. Остается одно лишь необъяснимое ощущение, которое к делу не пришьешь и которое объяснить невозможно, разве что ловить в себе самом отголоски этого ощущения, пытаясь разобраться, не носят ли они отпечаток тревоги или – наоборот – сулят что-то неожиданно приятное. Однако в этом случае сон буквально запомнился до мелочей, покадрово, словно вел за руку слепого, шаг за шагом, бережно и внимательно, не упуская подробностей.

Во всяком случае, во сне мелькал заброшенный дом с выбитыми стеклами и какая-то странная гора, которую, пробудившись, Таня почему-то сразу же окрестила Ведьминой.

Нет, все-таки, наверное, в самом начале следует рассказать, чем сны были для самой Тани. Они казались ей параллельным миром, который существует, но в другой реальности. Днем есть одна жизнь, а в снах другая, и часто эти реальности переплетаются незаметно для нас самих. Просто в жизни по-другому воспринимаешь места, где побывал, события, в которых участвовал, и людей, с которыми тебя свела судьба.

Странно, но уже в четырнадцать лет, когда другие ее сверстницы были всецело поглощены реальным миром, его внешними блесками, мишурой и призывным зовом, столь свойственным пубертатному возрасту, Таня заинтересовалась снами. После того, как с удивлением обнаружила, что вдруг в обычной, повседневной жизни нашла подтверждение происходящего во снах, залетевших туда, словно легкая бабочка. Это ощущение совпадения осталось надолго, а затем – вновь и вновь – повторялось, заставляя задуматься о странности происходящего.

Спустя много лет Таня как-то наткнулась на любопытный пост в «Фейсбуке», написанный от имени нервной, рефлекслирующей женщины, и вновь поразилась совпадению ощущений.

«Просто не сочтите меня за сумасшедшую... – писала автор запомнившегося комментария. – Но есть такие сны...

Нет, не так.

Ты живешь в абсолютной реальности во сне. Ходишь по иллюзорному городу, который никогда не знал наяву. Но он тебе родной и изученный. Общаешься с давно знакомыми людьми, аналогов которым нет в земном проявлении.

Мои сны, не частые – это моя какая-то параллельная и, хоть убейте, реальная жизнь. Там есть освоенные мною города, давно знакомые люди и некая драматургия.

Но это не земные города и не мои земные знакомые.

Я живу в нескольких реальностях.

Даже затрудняюсь теперь сказать, какая из них – реальнее.

Мне кажется, обе абсолютно.

Это от качества просыпания зависит.

Поскольку не задействованы во сне действительно знакомые, но существуют годами действительно-сонно-виртуальные, есть ощущение проживания в разных мирах одновременно.

*Спасибо за посыл к психиатру.
Но у всех психиатров и его пациентов и не-пациентов массово – то же самое».*

Через некоторое время к этому посту добавилась приписка:

«Был у меня приятель. Ну, как приятель? Мне двадцать лет, ему – за сорок. Известный кардиолог Москвы. Доктор наук и прочие регальные трали-вали... Лечил и маму мою, и родителей всех моих подруг. От Бога врач, но в Бога – не верил.

Я уж не помню, с чего мы заговорили о смерти. Но этот великий атеист сказал мне, что, уйдя из этого мира, полеживая в могиле, мы будем видеть сны.

Неплохие сны.

Насыщенные мыслями и чувствами...»

Таня задумалась, она стала вспоминать, что происходило с ней самой. Тогда, в поезде...

– Таня, – сказал отец сонным голосом, – ложись, поздно уже...

– Ты спи, папа, я посижу еще немножко, – попросила Таня, придвинувшись к окну, за которым мелькала ночь, изредка прерываемая дрожащими огоньками, появляющимися и тотчас исчезающими, словно и не было их вовсе.

– Хорошо, – согласился отец, засыпая, – ты только недолго...

Умирал, уходя, еще один осенний день, и щемящие ощущения не покидали Таню, не находя объяснения. Все больше и больше мыслей затевали в голове какой-то странный танец, будто стремясь попасть в ритм вагонным колесам, мерно клацающим по стыкам. Все вместе, включая резкий посвист ветра, создавало неповторимую музыку дороги.

Тем временем в купе выключили свет, и вокруг воцарилась тишина. Казалось, что все пассажиры в вагоне тотчас уснули, чтобы не мешать Тане думать. Она прислушалась к своему внутреннему голосу, который вел только ей одной слышимый монолог.

«Любая дорога к чему-то обязательно ведет, – говорил голос. – Но нет ни одной правильной дороги, поскольку их миллионы на нашем пути. Мы сами выбираем себе путь, и от нас зависит, каким именно он будет и куда приведет. Что бы мы ни выбрали, все равно попадем в будущее...»

Часто, оставаясь точно так же, наедине с самой собой, Таня придумывала свой мир, свою жизнь, своих людей и события. Все казалось

настолько реальным, что она сама начинала верить в то, что нафантазировала.

Жизнь шла, иногда подобно слепому, нащупывающему дорогу; забывалось то, что придумывалось раньше, но возникали новые миры. И только Вселенная, похоже, ничего не забывала. Мысль не просто материализовывалась, она, как сгусток энергии, отправлялась в космос, где витала в невесомости, но только для того, чтобы дождаться момента и вернуться уже в реальность. То есть получалось, по мнению Тани, так, что и придуманный мир мог – при желании – стать реальностью. Тогда лишь крупинцы фантазии достаточно, чтобы осознать, что именно следует получить от этой жизни, дарованной свыше, и тогда – вдруг – яркой кометой блеснет осознаваемое будущее: каждая мелочь, распавшееся на атомы время, люди, которых предстоит встретить, город, где предстоит жить, и даже эмоции, которые можно будет испытать. При всех этих визуализациях происходит невидимый процесс обмена: энергия человеческой мысли обменивается с энергией Вселенной.

Это открытие поразило Таню, озарило внутренним светом ее подростковое существование, но и заставило задуматься: а стоит ли вообще об этом кому-то рассказывать? Все казалось сумасшествием и неправдоподобным, как переход от реальности к миру сновидений.

«Только время сможет расставить все на свои места...» – подумала тогда Таня. Но как же тогда достигать осуществления желания и жизненных целей? Их тоже надо придумать, чтобы движение продолжалось, как поезд, немолимо приближающийся к цели назначения. Но если станция прибытия поезда известна, то как организовать движение человеку? Должен быть какой-то маячок, освещающий путь к цели, на него и надо ориентироваться, иначе можно прийти в никуда, и каждый последующий день будет прожит зря, приближая нас к смерти. Тогда зачем терять время, которого и так почти нет? Наш жизненный путь ограничен физическим существованием, а дальше...

«Дальше – тишина... – продолжил голос, – небытие, черная яма ночи...»

Мысли снова заметались, а диалог с самой собой так и не приводил к чему-то определенному.

«А что, если правда состоит в том, что нет абсолютной правды, и не нужно терять время на доказательства? Невозможно ничего узнать, не пытаясь ничего сделать...» – Таня посмотрела на часы: уже давно перевалило за полночь; закрыв занавеску, легла, прислушиваясь к себе, но тотчас уснула, провалившись

в собственное небытие, в параллельную реальность, в мир снов. Там, в этом мире, она писала самую главную для себя книгу, которую, когда она ее напишет, – будут читать остальные. И там, в этой книге жизни она поделится знаниями, открывшимися перед ней. Ей – в ее юном возрасте – иногда казалось, что в некоторых вопросах она разбирается больше, чем люди в возрасте, потому что для них не существовало никакого другого вопроса, как необходимость выжить.

— Простите! – Чей-то учтивый голос вывел Таню из состояния задумчивости. Она сидела в зале заседаний с фотоаппаратом в руках, выжидая, когда будет объявлен перерыв. Саму конференцию она уже запечатлела, теперь надо было снять общение в кулуарах.

Голос принадлежал незнакомому мужчине в очках, лет под шестьдесят, с короткой стриженной бородкой.

– Вы позволите, я сяду рядом? – спросил мужчина.

– Конечно, конечно, – торопливо ответила Таня и про себя решила, что это кто-то из зарубежных гостей.

– Спасибо, – поблагодарил мужчина и, достав блокнот, что-то записал. Затем оглядел зал и, наклонившись к Таниному уху, доверительно поинтересовался: – Вы не в курсе, долго еще все это будет длиться?

– Не знаю. – Таня пожала плечами.

– Понятно. – Мужчина внимательно посмотрел на нее, оставил папку с блокнотом на стуле, поднялся и, пока очередной оратор пробирался к трибуне, вышел на балкон.

Таня невольно взглянула на оставленную папку, к которой – к тому же – оказался прикреплен бейджик; там значилось: «Ян Карми, журналист, Тель-Авив». В этот момент в сознании у нее словно что-то щелкнуло, как будто сработал какой-то невидимый рычажок, приведший тотчас в движение невидимые механизмы неизбежности.

Тане показалось, что когда-то – в другой жизни – они были знакомы, и это имя Ян, и его фамилия – Карми, чем-то неуловимо напоминавшее иное слово – «карма», столь близкое ей не внешней оболочкой, а неким глубинным смыслом, когда всей кожей, всеми фибрами своей души ощущаешь невидимую нить, ведущую не только в самую глубь твоей судьбы, но еще дальше, туда, за ее пределы.

«Странное что-то...» – подумала Таня, покачав головой, а потом – за суетой дня как-то забылось это, закатилось в какой-то далекий

угол подсознания. Но вечером, когда участники конференции собрались на ужин в специально заказанном для этой цели ресторане, она неожиданно оказалась за одним столом с Яном.

– Давайте будем знакомиться. – Ян улыбнулся. – Как вас зовут?

– Таня Артищева, – ответила она и добавила: – А вас зовут Ян, и вы из Тель-Авива.

– Надо же, какая осведомленность, – непритворно удивился Ян.

– Ничего особенного, обычная наблюдательность. – Таня пожала плечами. – Вы отлучились на минуту, когда мы сидели рядом, а к вашей папке был приколот бейджик с вашими данными.

– Любопытство – вот главное качество, отличающее не только женщину, но и репортера, – парировал Ян, – и, на мой взгляд, это прекрасное качество.

– Вы так считаете? – Таня огляделась по сторонам.

– Вы кого-то ищете? – поинтересовался Ян.

– Да, должен был появиться мой начальник, но что-то я его не замечаю.

– Может, запаздывает? – предположил Ян.

– Все может быть.

– Ну да, все может измениться в любую минуту...

«Все может измениться в любую минуту...» – где Таня раньше это слышала? Она стала

мучительно напрягать память и вдруг вспомнила: тогда же, в ту самую памятную ночь, когда она с папой возвращалась из Киева на поезде, перед тем, как проваливаться в сон, внутренний голос настоятельно произнес эту фразу, словно требуя, чтобы она запомнила ее, выучила, вызубрила наизусть.

«Все может измениться в любую минуту...»

Т а ночь казалась необычайно длинной, длиною в жизнь. Сон смешался с явью, внутренний голос с собственными мыслями («Странно, – думала Таня, то засыпая, то просыпаясь, – как стучат на стыках колеса, так соединяются эти три «с» в словосочетании «голос с собственными мыслями», «голос с собственными мыслями», «голос с собственными мыслями»; три «с», как три карты, и снова – провал, и снова перестук колес»).

Танина фантазия была направлена на то, чтобы осознать, чего, собственно, ей ждать от этой жизни, продумать, просмотреть, проанализировать каждую мелочь, каждую секунду,

представить себе людей, с которыми ее сведет судьба, и ощутить даже эмоции, которые охватят тебя от встречи с тем или иным человеком.

Еще в *ту* ночь Таня поставила себе, придумав, множество каких-то целей, понимая, что все сразу не получится, но в надежде дать миру некую реальность, которую сотворит она сама. Или с помощью кого-то, кто поможет ей прийти к намеченной цели. Так мир иллюзий сочетался в ней с миром снов. Так все больше и больше она понимала, что любая дорога к чему-то ведет. И нет ни одной правильной. Что бы мы ни выбрали, в результате все равно попадем в будущее, забыв о прошлом.

Вот почему все может измениться в любую минуту...

Сказка – это когда ты не знаешь, что будет в конце; впрочем, когда ты чувствуешь себя в сказке, то не хочешь, чтобы она кончалась.

Но сказка не может длиться вечно, потому что только в сказке можно наслаждаться уготованной вечностью; в жизни же обыкновенно сказка обрывается, едва начавшись, и это уже не сказка, а – зачастую – черная быль, черная, потому что на сиявший прежде безмятежностью голубой горизонт вдруг надвигаются черные тучи, тяжелые, как гири; горе тому, кто не заметит этого, или, как говорили древние римляне: – *Vae victis!*: «Горе побежденным!..»

Таня не любила сказок; иногда казалось, что, став взрослой, ей пришлось сознательно погрузиться в рутину, где главенствующей составляющей стали дети, учеба, семья, муж. Однако – спустя время – она с удивлением для себя обнаружила, что в редкие от загруженности минуты вдруг, словно по мановению волшебной палочки, пусть и на мгновение, ныряет, подобно смелому пловцу, в мир иллюзий; более того, она стала ощущать в себе жгучее желание написать роман жизни, возвращаясь – в мыслях и чувствах – к той заветной ночи, когда ехала вместе с отцом в поезде. Но в то же время Таня понимала, что желание настолько жгуче, насколько и нереально, и его стоит подавить в себе хотя бы на время, до того момента, когда она почувствует себя вправе поделиться с другими тем, что ее тревожит, будучи абсолютно свободной и независимой от внешнего мира.

«Сплошь и рядом я наблюдаю, как многие из нас – и я в том числе – зависят от того, что скажут другие, – поверяла Таня свои потайные мысли дневнику, – меня это буквально приводит в ужас и бесит; каждая моя клеточка протестует, восстает против этого. Даже родители – люди, которых я безмерно уважаю, – вдруг начинают мне навязывать свое видение жизни, пытаются объяснить, что, на

их взгляд, можно делать, а чего – нельзя. Это бесит невероятно, порой у меня начинается истерика. Я пытаюсь объяснить, что мне все равно, что думают другие, я хочу просто жить, радоваться жизни, жизнь настолько стремительна – пусть это и банально, – но жить все равно надо сегодня, сейчас, сию минуту, делать то, что тебе хочется, и не обращать ни на кого внимания. И только в дневнике я пишу, что думаю, что чувствую, протестуя против общепринятых норм. Собственно, мне и в жизни не так важно, как мои поступки оценят те, от кого зависит моя карьера или не зависит, те, кто смотрит на меня с одобрением или косо, те, кому я импонирую, или те, к кому испытываю антипатию. Я иду против течения, но при этом с уважением отношусь к другим людям...»

«Горе побежденным!»; Таня вспомнила, как однажды уступила свекрови, ее настойчивым просьбам, и они с мужем съехались со свекровью, обменяв две свои квартиры на одну большую.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА